

О. В. Костанда

НАЗЫВНЫЕ И ЭКСПРЕССИВНО-ОБРАЗНЫЕ МЕТАФОРЫ В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

В последние десятилетия наметилась тенденция разграничивать два основных типа метафоры: когнитивную и образную. Первая из них служит в языке и инструментом, и результатом познания. Когнитивная метафора обозначает то, что в языке другими средствами отобразить невозможно, покрывает лакуны в словаре буквальных наименований. Ее можно рассматривать как разновидность катахрезы — вкладывание новых смыслов в старые слова. Есть, однако, множество метафор, в которых не могут проявиться свойства катахрезы, поскольку для данных понятий уже существуют краткие слова-эквиваленты с буквальным значением. Основная функция образной метафоры заключается в том, чтобы создать зрительное представление об обозначаемом и вызвать эмоционально сильное впечатление о нем, причем сталкивается несовместимое. Образные метафоры обычно оперируют теми средствами, которые с точки зрения логики второстепенны, а иногда и вымышлены. Основное различие между метафорой когнитивной и образной строится на функциональных причинах: первая нацелена на познание, тогда как вторая — на живое представление, видение мира.

В качестве подтипа образной метафоры можно выделить экспрессивно-образную метафору, важная отличительная черта которой эмотивность. По мнению В. Н. Телии, «для экспрессивно-образной метафоры принцип фиктивности слишком рассудочен: в ней совершается принцип подобия — “как бы”»¹. Маркер фиктивно-

сти «как если бы» имеет большое значение лишь при формировании оценочной метафоры, ассоциативно-образно фокусируя добавочные недостатки или достоинства. Оценочная деятельность столь же естественна для сознания, как и познавательная. При этом оценочные коннотации метафор часто сочетаются с аффективностью (экспрессивностью), а потому имеет смысл говорить об экспрессивно-оценочной метафоре. Исходным для оценочного смысла метафоры может быть как определенный оценочный знак, так и нейтральная оценка. Смены знака при метафоризации, как правило, не происходит. Если же в прямом значении выражение не связано с определенным знаком и его оценочный смысл меняется в контексте, естественно, возможны расхождения. С четкими и постоянными оценочными коннотациями связаны, например, метафоры животное-человек. Цель таких метафор — описать черты человека, которые всегда или почти всегда имеют оценочный смысл, так как перенос на человека признаков животных подразумевает оценочные коннотации.

Помимо номинативной, образной и экспрессивно-оценочной, метафоры выполняют в языке концептуальную функцию, которая основывается на их способности формировать новые концепты, исходя из уже сформированных понятий. Метафора не только формирует представление об объекте, она также предопределяет способ и стиль мышления о нем. Особая роль в этом принадлежит концептуальным метафорам, или, в терминологии Н. Д. Арутюновой, «ключевым метафорам», задающим аналогии и ассоциации между разными системами понятий и порождающим более частные метафоры. Такие метафоры прилагают образ одного фрагмента действительности к другому ее фрагменту. Они обеспечивают его концептуализацию по аналогии с уже сложившейся системой понятий. Наиболее полно эта роль метафоры выступает в тех случаях, когда метафора используется для обозначения непредметных сущностей. В таких случаях часто говорят о концептуальной метафоре как об отдельном виде метафор. По словам А. Н. Баранова, «устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества, получили название “концептуальных метафор”»². К числу концептуальных метафор европейской культуры относятся, например, метафорические проекции: время — это деньги, спор — это война, жизнь — это путешествие и другие. Для многих концеп-

туальных метафор существенно то, что в процессе функционирования в языке происходит постепенное освобождение от образного компонента. В некоторых видах концептуальной метафоры, например, в сфере научной терминологии, на стадии создания термина может иметь место отождествление как отправная точка для рассуждений о природе и свойствах изучаемого предмета. В субстантивной концептуальной метафоре непредметный объект представлен так, как если бы он был предметом другого рода, на основании сходства по ограниченному числу параметров. При этом присутствует осознание фиктивности отождествления различных по своей природе объектов. По словам Е. О. Опариной, «метафорический научный термин способствует рассмотрению исследуемого объекта как аналогии другого. Модель дает возможность строить предположения на основе некоторых известных общих признаков. Такого рода метафоры, основанные на модели и способствующие развитию научной мысли, в наибольшей степени продуцируют знания и являются инструментами познания»³.

В сфере непредметных сущностей, которые получают наименование с помощью концептуальной метафоры, можно выделить следующие группы:

- человеческая сфера, т. е. обозначения эмоций и мыслей, свойственных человеку;
- сфера явлений и процессов общественной жизни;
- научная сфера, т. е. явления и процессы, изучаемые наукой.

Четкое разделение метафор на номинативные, когнитивные, концептуальные, образные и экспрессивно-оценочные крайне затруднительно. Как следует из приведенных выше рассуждений, названные группы часто перекрывают друг друга. Каждая метафора выполняет в языке несколько функций, поэтому в дальнейшем речь пойдет лишь о преобладании той или иной функции, а не о функциональных типах метафоры. Что касается экспрессивно-оценочных метафор, следует заметить, что некоторые лингвисты считают, что значение слова само по себе внеэмоционально, нейтрально. По словам М. М. Бахтина, «эмоция, оценка, экспрессия чужды слову языка и рождаются только в процессе его живого употребления в конкретном высказывании»⁴.

Г. Н. Складаревская в своей книге «Метафора в системе языка» предлагает деление языковой метафоры на мотивированную, синкретическую и ассоциативную⁵. В *мотивированной* метафоре при-

сутствует семантический элемент, эксплицитно связывающий метафорическое значение с исходным. *Синкретической* называется метафора, образовавшаяся в результате смешения чувственных восприятий. Простейший вид синкретической метафоры наблюдается в пределах чувственных ощущений. Сознание как бы игнорирует изолированный характер ощущений и языковая система фиксирует подобные смешения: например, зрительное ощущение может подменяться температурным (*kalla färger* ‘холодные тона’). Более сложные сближения происходят за пределами чувственных восприятий — в сферах эмоциональных воздействий (*холодный тон*), психических состояний (*холодная ненависть*), интеллектуальных акций (*холодные рассуждения*), свойств интеллекта (*холодная память*), социальных отношений (*холодный прием*). Наконец, *ассоциативная* метафора занимает ведущее место в лексической системе как в количественном отношении, так и по своему влиянию на системные семантические процессы. Она базируется на способности сознания находить аналогии между любыми объектами действительности. Среди ассоциативных языковых метафор Г. Н. Складаревская выделяет две разновидности: признаковую и психологическую. Такое деление основано на том факте, что ассоциации могут быть разного рода. Одни из них представляют собой некие объективно присущие предмету признаки (или приписываемые ему воображением человека), хорошо известные всем членам языкового коллектива. Другой тип ассоциаций отражает некое общее психологическое впечатление, складывающееся под влиянием сходных воздействий на органы чувств.

Формальный аспект метафоры проявляется на уровне морфологии и синтаксиса. В каждом языке формируются свои словообразовательные средства для создания метафорических номинаций. К таким средствам можно отнести суффиксы, падежные формы, аналитические конструкции с предлогами, транспозицию. Ярким примером может служить так называемая генитивная метафора. Это субстантивное словосочетание с зависимым компонентом — определением, выраженным существительным в родительном падеже. Собственно метафорическое значение связано при этом лишь с главным компонентом, однако полное раскрытие этого значения определяется во взаимодействии его с зависимым компонентом. Использование такого средства в процессе метафоризации характерно и для русского, и для шведского языка.

В своем исследовании об изменениях, происходящих в языке шведских проповедей, Аста Хелена Ярл Керсар говорит о том, что «генитивные метафоры встречаются и в Ветхом Завете, и у святого Павла. Отцы Церкви использовали их в своих проповедях. Однако и в проповедях XX века они встречаются часто»⁶.

В качестве главного компонента могут использоваться: а) конкретные существительные (чаще всего отражающие культуру и повседневную жизнь человека или явления природы): *sanningens väg* ‘путь правды’, *lidandets dalar* ‘долины страданий’, *hoppets källa* ‘источник надежды’; б) абстрактные существительные: *den korsmärkta kärlekens brödraskap* ‘братство отмеченной крестом любви’. В качестве зависимого компонента часто используется имя Бога, Иисуса Христа и Святого Духа: *Guds barn* ‘дети Божьи’, *Hertens hand* ‘рука Господа’. Весьма характерна для языка проповедей комбинация двух определений — выраженного прилагательным и выраженного существительным в родительном падеже — при одном существительном: *Guds öppna famn* ‘открытые объятия Божии’.

В ходе анализа лексического материала, входящего в словари N и NB, выяснилось, что подавляющее большинство имен существительных и прилагательных, образованных путем метафорического переноса наименования, представляет собой метафоры назывные, главная задача которых — дать имя предметам или явлениям, никак не названным в языке. Причем на первом месте оказывается функция когнитивная, т. е. познавательная. Способность сознания отражать в процессе мышления познаваемые стороны действительности, рассматривая их во все новых отношениях и открывая все новые свойства мира, сдерживается в этом случае необходимостью использовать ограниченный объем средств выражения и подчиняется репродуктивному характеру языковой техники. К назывным метафорам относятся, например, слова *scendykning* ‘особый тип поведения на концертах популярной музыки, когда кто-нибудь бросается со сцены в зрительный зал’ (*букв.* ‘ныряние со сцены’), *solhimnel* ‘лампа для солярия, свет от которой падает вертикально сверху’ (*букв.* ‘солнечное небо’), *bromsmedicin* ‘лекарство, смягчающее симптомы и замедляющее развитие неизлечимой болезни’ (*букв.* ‘затормаживающее лекарство’), *bilkyrkogård* ‘свалка автомобилей’ (*букв.* ‘кладбище автомобилей’), *hästsvans* ‘хвост’ (прическа, *букв.* ‘конский хвост’), *kaloririk* ‘калорийный’ (*букв.* ‘богатый калориями’).

В исследовании были проанализированы три шведских романа: «Долгое прощание» Класа Хюлингера, написанный в русле постмодернизма с минимальным использованием традиционных средств выразительности, «Жизнь и приключения госпожи Бьёрк» Юнаса Гарделя, написанный в довольно эмоциональной реалистической манере, и «Та, кем я никогда не была» Майгуль Аксельсон, в котором писательница сочетает мистицизм с острым психологическим анализом. В языке этих произведений подавляющую часть метафор имени представляют собой метафоры языковые, широко используемые языковым коллективом в целом. Например: *Hennes röst var musik för mina öron* 'Ее голос звучал музыкой в моих ушах' (Н, 46); *En japansk turistgrupp har bildat en propp i det trånga utrymmet* 'Группа японских туристов создала пробку в тесном проходе' (G, 127); *Caroline är en trovärdig källa* 'Каролина — надежный источник' (А, 358); *Åhörarna är en mur av mörka kroppar* 'Публика — это стена темных тел' (А, 34).

В романе «Долгое прощание» можно выделить лишь две бесспорные авторские метафоры имени: *Sedan han bestämt sig för att leva som fri författare hade han haft envisa ekonomiska bekymmer* 'С тех пор, как он начал жить жизнью свободного писателя, он испытывал упрямые финансовые трудности' (Н, 40); *... vit rök vällde upp ur glaset, gled ner för sidorna och bredde ut sig över bordets landskap* '... белый дым валит из стаканов, соскальзывал по бокам и расстилался над ландшафтом стола' (Н, 47).

К поэтическим метафорам в романе «Жизнь и приключения госпожи Бьёрк» относятся, например, следующие: *Nu är den vattentät — lyckan* 'Теперь оно водонепроницаемо — счастье' (G, 25); *en stilla dammig söndag* 'спокойное пыльное воскресенье' (G, 136).

В романе «Та, кем я никогда не была» авторские метафоры более многочисленны и разнообразны: *Mental storstädning* 'Ментальная генеральная уборка' (А, 16); *Aspens guldmünt daggar* 'Золотые монеты осины дрожат' (А, 214).

Разделение метафор, особенно экспрессивно-образных, на языковые и авторские в определенной степени условное, поскольку многие метафоры находятся на промежуточной стадии — употребленные однажды в качестве средства выразительности конкретным автором, они постепенно закрепляются в языке и входят в общеязыковой набор устойчивых тропов. М. М. Бахтин говорит о единстве активности оценки при создании авторских сравнений и метафор.

Это единство основано на эмоционально-волевом взаимоотношении и сродстве слов. Оно создается не логической мыслью, но чувством оценивающей активности. По словам М. М. Бахтина, «это не предметные необходимые связи, оставляющие чувствующего и волящего субъекта вне себя, не нуждающиеся в нем, но чисто субъективные, нуждающиеся в субъективном единстве чувствующего и волящего человека, связи»⁷. Отвлеченная от чувства связующей и формирующей активности автора, метафора умирает, т. е. перестает быть поэтической (авторской). При этом в качестве просто языковой метафоры она может служить и целям познавательного высказывания.

Говоря о романах Ю. Гарделя и М. Аксельсон, отметим, что некоторые отдельные метафоры не только повторяются на протяжении всего повествования (например, за определенными героями закреплены также определенные метафорические характеристики), но в ряде случаев на их основе авторы выстраивают цепочки рассуждений и описаний. При этом сама метафора может несколько видоизменяться при сохранении лежащего в основе сравнения образа: Hennes föreställning om lyckan var en elektrisk ljusstake i fönstret. . . Men Börje tog ifrån henne adventsljusstaken. . . Så fann hon en ny adventsljusstake hos herr Björk. . . Är adventsljusstaken hos herr Björk ändå inte nog? 'Ее представления о счастье были подсвечником с электрическими свечами на окне. . . Но Бёрье отнял у нее рождественский подсвечник. . . Тогда она нашла новый рождественский подсвечник у господина Бёрка. . . Неужели рождественского подсвечника у господина Бёрка все же недостаточно?' (G, 51–52); Var hennes rötter de brittiska TV-serierna? . . . Hennes rötter är tallarna utanför radhuset i Hässelby. . . Här, jag vill att du ska lära känna mina rötter, skulle hon kunna säga och peka på en tall, den enda sanna rot hon har 'Были ли ее корнями британские телесериалы? . . . Ее корни — это сосны перед зданием ратуши в городе Хэссельбю. . . Вот, я хочу, чтобы ты узнал мои корни, сказала бы она, указывая на сосну, единственный настоящий корень, который у нее есть' (G, 116–117).

В романе М. Аксельсон присутствует эпизодический персонаж — женщина, которую автор на протяжении нескольких страниц называет «женщиной-кошкой» (kattkvinnan). При первом упоминании ей дано следующее описание: Hon har mycket stora ögon. Rådjursögon i ett kattansikte 'У нее очень большие глаза. Глаза

косули на кошачьем лице' (А, 22). Здание правительства Швеции М. Аксельсон называет горой (berget), а премьер-министра — Горным королем (Bergakungen), причем с заглавной буквы: ... men inne i själva berget är det fortfarande mycket tyst... Sedan öppnar hon en hemlig dörr och försvinner djupare in i berget... Bergakungen själv stod leende mitt i gruppen '... но внутри самой горы по-прежнему очень тихо... Затем она открывает потайную дверь и исчезает глубже в горе... Сам Горный король стоял, улыбаясь, посреди группы' (А, 164–167). Метафора, используемая для описания конкретного героя, становится его единственным именем и не требует дальнейших пояснений.

Как уже было сказано, вторая ключевая функция метафоры наряду с когнитивной — образная функция. Она призвана создать зрительное представление об обозначаемом и вызвать такое впечатление о нем, которое может привести к эмоциональной реакции. Исследуемый материал содержит ряд метафор, при возникновении которых экспрессивно-образный аспект играл важную роль. Часто такие метафоры носят также оценочный характер. Как правило, подобные слова и выражения снабжены в словарях дополнительными пометами: skämts. = skämtsamt — шутовское (6 примеров в N, 7 примеров в NB), vard. = vardagligt — разговорное (88 в N, 5 в NB), nedsätt. = nedsättande — уничижительное (12 в N, 5 в NB): Russindisko (skämts.) 'танцы для пожилых людей' (букв. 'изюмная дискотека'), farmarkalsonger (skämts.) 'джинсы' (букв. 'фермерские кальсоны'), grammofonkusk (skämts.) 'диск-жокей' (букв. 'кучер у граммофона'), stenålders (vard.) 'устаревший, старомодный' (букв. 'из каменного века'), elplanka (vard.) 'электргитара' (букв. 'электрическая доска'), kunskapsfabrik (nedsätt.) 'учебное заведение, практикующее методы быстрого, но механического заучивания' (букв. 'фабрика знаний'), bysnille (nedsätt.) 'гений местного значения' (букв. 'деревенский гений'), köptempel (nedsätt.) 'универмаг' (букв. 'торговый храм').

Некоторые понятия, выраженные экспрессивно-оценочными метафорами, уже имели эмоционально нейтральное общепринятое наименование в языке: ideinfarkt 'идейный инфаркт' — full idebrist 'полное отсутствие идей', ryggsäck 'рюкзак' — belastning, börda 'ноша'.

Итак на материале современного шведского языка показана реализация основных задач, которые выполняет метафора:

1) дает наименование понятиям и явлениям, не имеющим собственного языкового выражения (*smärttröskel* 'болевого порога');

2) переносит эмоциональную или оценочную характеристику из одной сферы в другую (*finansvalp* 'молодой человек, быстро увеличивающий прибыль за счет биржевых игр' (букв. 'финансовый щенок'));

3) формирует новые концепты, исходя из уже сформированных понятий, примером могут служить семантические поля с метафорическим значением, создаваемые авторами художественных произведений;

4) создает фундаментальные для нашего мышления стереотипы, так, метафора *kalorigrik* 'калорийный' (букв. 'богатый калориями'), возникшая в конце XX в., строится на гораздо более ранней по времени и универсальной для ряда языков конвенциональной метафоре «богатый — содержащий большое количество чего-либо».

---

¹ *Телия В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986. С. 87.

² *Баранов А. Н.* О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 76.

³ *Опарина Е. О.* Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 68.

⁴ *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 281.

⁵ *Склярская Г. Н.* Метафора в системе языка. СПб., 2004.

⁶ *Kerzar A. H. J.* Gammalt och nytt i predikospråket. Uppsala, 1999. S. 168.

⁷ *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 66.

СОКРАЩЕНИЯ

A — *Axelsson Majgull.* Den jag aldrig var. Stockholm, 2004.

G — *Gardell Jonas.* Fru Björks öde och äventyr. Stockholm, 1995.

H — *Hylinger Claes.* Ett långt farväl. Stockholm, 1997.

N — *Nyord i svenskan från 40-tal till 80-tal.* Stockholm, 1986.

NB — *Nyordsboken.* Stockholm, 2000.

Olga Kostanda

CONCEPTUAL AND EXPRESSIVELY-EVALUATIVE METAPHORS IN SWEDISH

There are basic functions of metaphor under consideration which are nominative, figurative, expressively-evaluative and conceptual presented in this article. Two latest vocabulary lists as well as the samples of contemporary

Swedish fiction have been examined to provide this article with necessary examples. Depending on the significance and the appropriate meaningfulness of the considered forms in each definite case these metaphors are divided into certain groups.